

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/93/7

**«Путешествие с горшком герани»
как пародия на «сентиментальный канон» травелога**

Наталья Владимировна Константинова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

scribe2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7329-9977>

Аннотация

Характеризуется сюжетная ситуация «путешествие с горшком герани» как пародия на «сентиментальный канон» травелога. Основное внимание уделяется ее варианту, представленному в малоизученном романе В. В. Сиповского «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия». Выявляются основные устойчивые элементы ситуации как «трогательной повести о герани», определяющие аспекты пародирования «сентиментального канона». Впервые определяется претекст романа Сиповского – пародийный травелог А. Ф. Вельтмана «Путевые впечатления и, между прочим, горшок герани», опубликованный в 1840 г. в журнале «Сын Отечества». Выделяется и характеризуется функция цветочного кода: герань как «роза для бедных», прозаический вариант поэтических пиона и розы, становится главным маркером пародийного «символического» фона травелогов Сиповского и Вельтмана.

Ключевые слова

путешествие, травелог, пародия, сюжетная ситуация, герань, героиня, сентиментальный канон, претекст

Для цитирования

Константинова Н. В. «Путешествие с горшком герани» как пародия на «сентиментальный канон» травелога // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 96–105. DOI 10.17223/18137083/93/7

**“Journey with a pot of geraniums” as a parody
of the “sentimental canon” of travelogue**

Natalia V. Konstantinova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

scribe2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7329-9977>

Abstract

This paper characterizes the plot scenario of “a journey with a pot of geraniums” as a parody of the sentimental travelogue canon. The analysis focuses primarily on the version presented

© Константинова Н. В., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 96–105

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4, pp. 96–105

in Vasily Sipovsky's understudied novel "Puteshestvie Erasta Krutolobova v Moskvu i Sankt-Peterburg v 30-kh godakh 19 stoletiya" ("Erast Krutolobov's journey to Moscow and St. Petersburg in the 1830s"). The study uncovers the essential elements of the "touching tale of geraniums" that characterize the parody of the "sentimental canon." These include: (1) a stage-coach journey from Moscow to St. Petersburg as the primary route; (2) the protagonists, an old maid and a large geranium bush; (3) the purpose of the journey, which involves delivering the geranium as a cherished memento from a long-lost love; and (4) the finale, in which the man fails to recognize the plant, ultimately shattering the heroine's heart. For the first time, the pretext of Sipovsky's novel is established. It is the parody travelogue "Putevye vpechatleniya i, mezhdu prochim, gorshok gerani" ("Travel impressions and, by the way, a pot of geraniums") by Alexander Veltman, published in 1840 in the magazine "Syn Otechestva." Furthermore, the study analyzes the function of the floral code, positioning the geranium, a symbol contrasting to the poetic peony and rose, as a central element of the parodic elements of both Sipovsky's and Veltman's travelogues.

Keywords

travel, travelogue, parody, plot situation, geranium, heroine, sentimental canon, pretext

For citation

Konstantinova N. V. "Journey with a pot of geraniums" as a parody of the "sentimental canon" of travelogue. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 4, pp. 96–105. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/7

В первой трети XIX в. обнаруживается не только активное «тиражирование» текстов о путешествии, но и ироничное переосмысление «общих мест» сентименталистской традиции травелога. Стремление авторов начала века к подражанию и пародированию «карамзинского канона» часто связывают с недостаточной литературной одаренностью, желанием хотя бы формально соответствовать статусу писателя. При этом общим для всех объектом пародии и признаком вторичности текста по отношению к традиции, как правило, становилась «чувствительность» как главная характеристика героя-путешественника¹. На популярность такого типа путешественника в травелоге указывает и факт появления произведений с выделенной номинацией уже в названии. Ярким примером является «Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А**» анонимного автора К. Г. (1802). В заголовке акцентируется внимание на ключевых точках сентиментальной поэтики: на первый план выходит личность путешественника, стремление описать свои чувства и мысли, а слово «прогулка» актуализирует идею свободного путешествия в целях увеселения и досуга². Впоследствии «чувствительность» русского путешественника и определяет основной фокус пародирования³.

Издержки устаревшего «сентиментального канона» травелога становятся объектом художественной рефлексии В. В. Сиповского, одного из ключевых исследователей «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Речь идет о его пародийном травелоге «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Пе-

¹ Подробный обзор вариантов пародий на травелог см. в статье: [Константинова, 2024].

² См. подробнее в статье: [Мамуркина, 2015, с. 125].

³ На эту особенность обращает внимание Э.-Г. Кросс, в частности, он пишет о влиянии английской литературы на литературную деятельность русского писателя, его ориентацию на творчество Л. Стерна, особенности модификации повествования в травелоге. См.: [Cross, 1971, p. 12]. Русские пародийные травелоги косвенно рассматриваются и в исследовании С. Дикинсон с точки зрения организации нарратива и способа изображения типа рассказчика. См.: [Dickinson, 1995, p. 198].

Петербург в 30-х годах XIX столетия», изданном в 1929 г. под псевдонимом В. Новодворский (Новодворский, 1929). Роман Сиповского в целом представляет собой своеобразную «литературную игру» с сентименталистской традицией, на что указывает обилие реминисценций разного рода, представленных уже в заглавии⁴. Путешествие Эраста Крутолобова – это филологический травелог, отражающий взгляд Сиповского на влияние «карамзинского канона» и пути его освоения беллетристкой.

Соотношение литературы и действительности становится одним из вопросов, над которым рассуждает главный герой произведения Эраст Крутолобов. В финале, после завершения путешествия, он, несмотря на увещевания матери, отказывается писать об этом:

О своем сентиментальном пешеходном путешествии по Малороссии Эраст ничего писать не хотел. Перечитав «Путешествие по Малороссии», сочиненное прадедом, князем Шаликовым, он нашел, что ничего общего между этим сочинением и украинской действительностью нет (Новодворский, 1929, с. 181).

Однако отказывается Эраст писать только в жанре травелога, тогда как возможные «литературные темы» он с матерью обсуждает. Пародийное описание «литературной деятельности» Эраста (все возникает и завершается только проектами) выявляет наиболее популярные для литературного «сентиментального канона» сюжеты: «о бедной Палаше, похищенной гусаром»; «о злосчастной Полине, жертве родительского произвола»; «о насильном браке Эраста (или самоубийство от чувствительности)»; «о кусте герани» (о любовном разочаровании чувствительной старой девы).

Выбор сюжетного репертуара обнаруживает как специфику «книжного сознания» героев, так и в целом ключевые объекты многочисленных пародий, появившихся в 30-е гг. XIX в. Если первые три темы в большей степени оказываются знакомы читателю – знатоку литературной традиции, то четвертая – о кусте герани – вызывает особый исследовательский интерес. Следует отметить, что все темы, выбранные матерью для «литературной обработки», были сформулированы на основе «реальных» историй, произошедших с Эрастом в путешествии. Так, ситуация с геранью отражает дорожное происшествие, случившееся с ним на пути из Москвы в Петербург. История с геранью представлена в виде четырех фрагментов, раскрывающих последовательно сюжет «трогательной повести о герани», как это обозначено в повествовании. Обратим внимание, что и в названии темы, и в характеристике истории акцент сделан именно на герани (кусте герани), а не на героине, которая с ней путешествует. Другими словами, герань становится центральной героиней.

Отправляясь в Петербург из Москвы на дилижансе «Стрекоза», Эраст со служгой Фролкой знакомится с попутчиками. Старая дева с большим кустом герани вызывает у всех явное раздражение, а герань очевидно контрастирует с огромным медным самоваром другого попутчика – мещанина. Этот эффект достигается за счет сочетания разных точек зрения, выражающих экзальтированное, возвы-

⁴ По мнению А. Ю. Веселовой, «роман Сиповского в пародийной форме иллюстрирует отражение литературной борьбы идеализма и реализма в общественной жизни начала XIX века и роль сентиментализма и его создателя Карамзина в истории развития русской литературы». Цит. по: [Веселова, 2016, с. 66].

шенное, чувствительное сознание героини и бытовое, сниженное, грубое – мещанина с самоваром в руках. Контраст выражен и способом стилизованного переживания: «тайна своей жизни», «обладательница пышного куста герани», «сувенир», «трогательный рассказ» и «толстый мещанин», «ругались», «лезли в нос». Сама ситуация путешествия с кустом герани оценивается участниками события, с одной стороны, как «трогательный рассказ», с другой – как «глупость». При описании ситуации особое внимание акцентируется на герани как центральной героине истории:

В двух передних углах «Стрекозы» сидели двое: какая-то, по-видимому, старая дева с растрепанным целым кустом герани в руках, а напротив нее толстый мещанин, с огромным медным самоваром в объятиях. Самовар был так велик, что из-за него почти не видно было владельца. Куст герани закрывал лицо старой девы. Первые пассажиры сидели и лихо ругались. Они мешали друг другу: ветви герани закрывали потолок и лезли в нос мещанину с самоваром, а кран самовара упирался в самый куст и грозился его поломать (Новодворский, 1929, с. 106).

И только Эрасту старая дева по секрету открывает «тайну своей жизни». Так, последовательно, на фоне описания основного путешествия Эраста раскрывается семантика сюжетной ситуации о «путешествии с кустом герани».

«Трогательную повесть о герани» можно описать в виде следующей схемы сюжетной ситуации травелога: маршрут – путешествие в дилижансе из Москвы в Петербург, главные героини – старая дева и большой куст герани, цель поездки – герань – это «сувенир» от «него», «он» уже давно женат и народил кучу детей, а она осталась девицей и все ещё бережет его сувенир; узнав о его вдовстве, она отправляется напомнить «ему» о юношеском увлечении, финал истории – герани «он» не признал и «отрекся, что когда-нибудь какую-нибудь герань кому-нибудь подносил»; «сердце бедной девы было разбито вдребезг». Показательно, что основные фрагменты этой «повести» выделяют размер герани: в первом эпизоде намеренно гиперболизируется куст герани, ее хозяйка, Агафоклея Семеновна Душкина, представлена как «обладательница пышного куста герани», а затем сообщается, что в молодости «малюсеньким кустиком получила она ее “в сувенир” от “него”». Таким образом, размер герани подчеркивает одновременно и солидный возраст хозяйки, и временную дистанцию между событием преподнесения герани как «знака любви» и настоящим моментом. И в определенной степени оправдывает поведение бывшего возлюбленного, который из потенциального жениха неожиданно превращается в «старого черта»:

Оказалось, во-первых, «он», хотя и овдовел, но успел уже жениться (старый чорт!), а во-вторых, герани он не признал и отрекся, что когда-нибудь какую-нибудь герань кому-нибудь подносил (Новодворский, 1929, с. 138).

В реальности сердце «бедной девы» оказывается разбито не столько неблагоприятным героем, сколько ее склонностью к чувствительным иллюзиям.

Таким образом, «трогательная повесть о герани» представляет собой пародию на «чувствительный» тип сознания, «общее место» «сентиментального канона». Литературный сценарий жизненной истории не оправдывает ожидания и разрушается, более того – профанируется, что выражается с помощью оппозиции «казалось – оказалось», сочетания противоположных точек зрения на событие. Фак-

тически в этой сюжетной схеме можно увидеть и зеркальное изображение ситуации «соблазненная и покинутая», характерной для «лизины текста», большинства подражательных повестей начала XIX в. и различных вставных любовных историй в травелогах. Однако, на наш взгляд, только обращение к претексту «трогательной повести о герани» позволит в полной мере оценить остроумную литературную игру Сиповского, сумевшего пародийными средствами показать способы разрушения известной сюжетной ситуации.

По нашему мнению, своего рода претекстом является пародийный травелог А. Ф. Вельтмана «Путевые впечатления и, между прочим, горшок герани», опубликованный в 1840 г. в журнале «Сын Отечества» (Вельтман, 1840). Текст обозначен в подзаголовке как «рассказ вроде повести» и представляет собой развернутое повествование о путевых впечатлениях разночинца, писателя Александра Фёдоровича, отправившегося в путешествие из душной Москвы в Петербург и встретившего в дилижансе странную попутчицу Минодору Памфиловну с большим горшком герани. Автор очевидно пародирует «чувствительные» истории и особенности «книжного» сознания героев. Путешествие с горшком герани в дилижансе обнаруживает несостоятельность, нелепость «сентиментального канона», в целом нежизнеспособность «чувствительной» точки зрения на мир.

Всё повествование Вельтмана строится на контрасте шаблонных представлений героев о жизни и их реальном воплощении. Оппозиция «казалось / ожидалось – оказалось» выражает контраст мечты и реальности, литературности / шаблонности и действительности. С помощью смещения с ожиданий на реальность происходит перекодировка и языка описания. Так, «Александр Фёдоровичу представлялось, что она непременно должна явиться на извозчике, в шляпке из сурового батиста, покрытой зеленым вуалем, в холстинковом или ситцевом с широкою оборкой платье, в переднике или таблье с карманами; в одной руке большой зонтик *a la Taglioni*, в другой огромный ридикюль *a la мешок*», однако в реальности в дилижанс садится «сопутная дама» с большим горшком герани, с «сырцовыми локонами под чепцом» и в «изношенных башмаках»:

Она была худа, костлява и обтянута четырьмя полотнищами скромного ситца; лиф *decollete*; лета трудно было определить, хотя и заметно было сквозь чепец, что от косы осталось не более как с мышинный хвостик, и пробившийся гренадерский ус пора уже было подстригать (Вельтман, 1840, с. 36).

Разочарование и раздражение Александра Фёдоровича исчезает только тогда, когда он начинает размышлять о том, что герань хранит, видимо, «тайну сердца сопутной дамы». И всё дальнейшее повествование о поездке в дилижансе строится вновь на контрасте иллюзии и реальности, поэзии и прозы, чувствительного любовного сюжета и бытового объяснения события. В сознании героя возникают разные предположения о том, героиней какой тайной истории является герань, столь важная для попутчицы:

Он стал думать о Минодоре Памфиловне и разгадывать: какая тайная связь может существовать между нею и горшком герани? (Вельтман, 1840, с. 39).

Предположения Александра Фёдоровича о «сентиментальном сюжете» в жизни Минодоры Памфиловны впоследствии формально оправдываются:

Да, герань Минодора Памфиловны, верно, разговаривает с ней о чем-нибудь и о чем-нибудь, занимает, тешит ее рассказами о былом, ручается ей за чье-нибудь сердце, как аманат (вверенное на хранение, надёжность)... иначе Минодора Памфиловна не любила бы герани, разве на ней вместо листьев росли бы проценты с какого-нибудь капитала. Рассуждая таким образом, Александр Фёдорович постепенно мирился со своею спутницей; им овладело сперва любопытство узнать повесть её жизни, а наконец овладел и сон (Вельтман, 1840, с. 39).

Он добивается признания, подобрав необходимый ключ – язык – для разговора с героиней («этот цветок напоминает вам что-нибудь приятное в жизни? Симпатия к чему-нибудь есть признак сентиментальных душ» (Вельтман, 1840, с. 41)), после чего она делится «слёзной историей». В его представлении горшок герани – это знак чувствительности души человека, способного на сильные эмоции. Для иллюстрации такого способа выражения чувств Александр Фёдорович проводит аналогию со своей любовной историей, символом памяти о прошедшей любви является «исписанный листок розы»:

«О, природа наделила вас чувствительным сердцем, – сказал Александр Фёдорович, – это видно даже по вашей попечительности об этом цветке. Истинная, симпатическая любовь дорожит не только целым растением, но даже одним листиком, напоминающим взаимность. Вот посмотрите, как я храню драгоценный листок, подаренный мне предметом обожания». И Александр Фёдорович открыл свой бумажник, в котором, – как на гербарии хранился весь исписанный листок розы (Вельтман, 1840, с. 42).

Точка зрения Александра Фёдоровича очевидно контрастирует с представлением о своей жизненной ситуации Минодора Памфиловны. Она, напротив, предельно натуралистично описывает историю с геранью. Выясняется, что, когда она девушкой жила в доме отца, ей оказывали знаки внимания два кавалера – ненавидимый ей Иван Тихонович, за которого ее хотел выдать замуж отец, и Петр Матвеевич, вызывавший у нее симпатию. Появление герани в жизни героини представлено предельно буднично, внезапный вопрос Петра Матвеевича о том, какие у нее любимые цветы, вызывает волнение:

Что делать? не сказать же: убирайся к чёрту! Вот и пошли: я, вся горю, без души иду. Петр Матвеевич вдруг спрашивает: – Какие вы цветы любите, Минодора Памфиловна? Я в конфуз и пришла; не знаю, что отвечать; ни одному цветку имени не припомню; а не оставаться же дурой безответной. Пришла на память герань, я и брякни: герань; а и запаху ее терпеть не могла. Любимые цветы мои были пионы... (Вельтман, 1840, с. 52).

Не оправдывается и ожидание трагической / счастливой развязки любовной истории: Минодора Памфиловна поясняет, что внезапно появившийся горшок герани в ее доме был воспринят ею и всеми родными и близкими как подарок Петра Матвеевича, распустились слухи, из-за которых он сбежал, а когда впоследствии умер ее отец, поместье забрали за долги, спасти удалось только горшок герани:

Да, батюшка, каково мне, было: распустила слухи, что я в связи с Петром Матвеевичем! Поневоле человек оставил дом. Да вдруг два горя мне: лишилась благополучия, а потом родитель Богу душу отдал; да еще

на придачу, именье все описали, дом опечатали, пустили по миру!.. Вот только достоянье и уцелело... Тут Минодора Памфиловна горько зарыдала! <...> Как стали приказные печатать... я и бросилась без памяти к горшку: батюшки, ведь герань-то засохнет, без поливанья! да и схватила ее... схватила, да и бежать!.. (Вельтман, 1840, с. 53).

Цель же ее настоящей поездки в Петербург – решить финансовые вопросы, связанные с «именьем батюшки». Героиня не надеется уже на продолжение любовной истории, однако в сознании Александра Федоровича возникает иллюзия возможного ее счастья с любимым:

...чего доброго, может быть, воротится и старая любовь, и Петр Матвеевич будет снова искать вашей руки (Вельтман, 1840, с. 63).

Желание «дописать» сюжет о любовной истории Минодоры Памфиловны заставляет Александра Федоровича помогать своей попутчице (он снимает ей комнату, ходит по ее поручениям). В результате героиня встречает в Петербурге не Петра Матвеевича, о котором мечтала в юности, а ненавистного Ивана Тихоновича, неожиданно сообщившего, что горшок герани ей подарил он, чем окончательно разрушается возможный «счастливый финал» любовной истории. Узнав о том, что герань ей подарил другой, Минодора Памфиловна бросает ее в съемной квартире и уезжает. Трогательная повесть о бедной Минодоре Памфиловне завершается в сознании Александра Федоровича как «писателя», прочитавшего бытовую житейскую ситуацию как литературный сюжет с трагическим финалом («Эге! повесть кончена! – подумал Александр Фёдорович, – бедная Минодора Памфиловна! Какое разочарование для пламенной, постоянной любви твоей!..» (Вельтман, 1840, с. 79)). При этом герань становится символом обманутых надежд, из «завета любви» превращается в нелепый цветок, подаренный «скверненьким Иваном Тихоновичем». «Разница между одной и той же геранью» выражается двумя вариантами сюжета: возвышенный, чувствительный и бытовой, реалистичный, – поэтический и прозаический. Пародийность текста о герани выражается в несоответствии «чувствительного канона» реальности, в его шаблонности и нелепости. Более того, в финале текста Вельтмана после исчезновения Минодоры Памфиловны неожиданно появляется Петр Матвеевич и сообщает:

В продолжение десяти лет я заключен был злым волшебником Иваном Тихоновичем в горшке герани <...> вся премудрость состояла только в том, чтоб грохнуть горшок об пол; но она в десять лет не догадалась этого сделать <...> К счастью моему, какой-то благодетельный гений грохнул горшок о землю и – я свободен; иначе, простоял бы на окне целый век или в цвете лет увял бы без призрения (Вельтман, 1840, с. 82).

Мистическое продолжение истории акцентирует внимание на значении горшка герани: он был не залогом любви, не символом чувствительной натуры героини, а, напротив, пленом для влюбленного Петра Матвеевича.

Таким образом, история о кусте герани в травелогe Сиповского является модификацией сюжета «рассказа вроде повести» Вельтмана, в котором горшок герани фактически становится главным героем, а не «между прочим» появляется как нелепый атрибут героини в дорожной ситуации.

В заключение подробнее остановимся на семантике цветочного кода. В истории есть объяснение, почему именно герань, а не другой цветок везет в горшке героиня: Минодора Памфиловна случайно «брякнула» про герань на вопрос

о любимых цветах, хотя ей нравились пионы. Определенный цветочный код задается противопоставлением «пион – герань», а затем в рассказе о своих любовных воспоминаниях Александр Фёдорович называет еще и «исписанный листок розы». Герань как «роза для бедных», прозаический вариант поэтических пиона и розы, становится главным маркером пародийного «символического» фона травелогов Сиповского и Вельтмана. В обоих предметом изображения является несостоятельность и исчерпанность «чувствительных» любовных сюжетов в литературе 30–40-х гг.

Профанация «чувствительности» в сюжетной ситуации «трогательной повести о герани» выражается в том, что в ней существенно искажается, трансформируется повествовательная модель «сентиментальной повести»: неадекватность любовных иллюзий героини доводится до абсурда нелепым путешествием с горшком герани, стремление напомнить герою о юношеском увлечении развенчивается его реакцией (непризнанием события, отречением от герани), вместо счастливого или трагического финала обнаруживается событийный вакуум, в котором событие подменяется восклицанием рассказчика о разочаровании бедной девы. Таким способом пародируются и образ, и событие, и способ повествования о нем, и сам рассказчик. Герань же, которая «пышно расцветает» в произведениях русской литературы второй половины XIX в. как мещанский цветок, в этих сюжетах становится, кроме прочего, маркером смены повествовательной модели в 30–40-е гг. Заметим попутно, что герань в цветочном литературном коде⁵ обладает устойчивой семантикой и нередко сопровождает истории о «несостоявшейся любви», в которых отношения воображаются, но не реализуются, она также сопутствует выражению иллюзорности стремлений героя, является «вещественным знаком» в его воспоминаниях⁶.

Список литературы

Веселова А. Ю. Карамзинский код в романе В. В. Сиповского «Путешествие Эраста Крутолобова» // Слово.ру: Балтийский акцент. Серия: Языкознание и литературоведение. 2016. Т. 7, № 3. С. 65–73.

Константинова Н. В. Пародия на тип «чувствительного путешественника» в русских травелогах первой трети XIX века // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 1. С. 9–25.

Мамуркина О. В. «Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А*»*: специфика повествовательной структуры травелога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48), ч. 2. С. 124–127.

Ознобишин Д. П. Селам, или Язык цветов. СПб.: Деп. нар. просвещения, 1830. 132 с.

Шарафадина К. И. «Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века (источники, семантика, формы): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 431 с.

⁵ Об этом подробнее в работах: [Ознобишин, 1830; Язык цветов..., 1849; Шарафадина, 2004].

⁶ Горшок герани появляется в начале романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» как знак неуместной «чувствительности» Макара Девушкина, подарок Вареньке. В повести И. С. Тургенева «Ася» главный герой, оставшись одиноким, хранит «как святыню» ветку герани, подаренную Асей как знак того, что «она дама его сердца».

Язык цветов, или Описание эмблематических значений, символов и мифологического происхождения цветов и растений. С прибавлением стихотворений, написанных на цветы русскими поэтами. СПб., 1849. 125 с.

Cross A. N. M. *Karamzin: a study of his literary career 1783–1801*. London, 1971. 306 p.

Dickinson S. *Imagining Space and Self Russian Travel Writing and Its Narrators, 1762–1825*. PhD Diss. Harvard University, 1995. 198 p.

Список источников

Вельтман А. А. Путевые впечатления и, между прочим, горшок герани // Сын Отечества. 1840. Т. 1. С. 35–84.

Новодворский В. Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия. Л.: Красная газета, 1929. 182 с.

Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А*** / Российское сочинение К*. Г*. М.: Унив. тип., у Люби, Гария и Попова, 1802. 80 с.

References

Cross A. N. M. *Karamzin: a study of his literary career 1783–1801*. London, 1971, 306 p.

Dickinson S. *Imagining space and self russian travel writing and its narrators, 1762–1825*. PhD Diss. Harvard University, 1995, 198 p.

Konstantinova N. V. Parodiya na tip “chuvstvitel’nogo puteshestvennika” v russkikh travelogakh pervoy treti 19 veka [A parody of the type of “sensitive traveler” in Russian travelogues of the first third of the 19th century]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2024, vol. 26, no. 1, pp. 9–25.

Mamurkina O. V. “Novyy chuvstvitel’nyy puteshestvennik, ili Moya progulka v A***”: spetsifika povestvovatel’noy struktury traveloga [“A new sensitive traveler, or my walk to A ***”: the specifics of the narrative structure of a travelogue]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, no. 6 (48), pt. 2, pp. 124–127.

Oznobishin D. P. *Selam, ili Yazyk tsvetov* [Selam, or the Language of flowers]. St. Petersburg, Dep. nar. prosveshcheniya, 1830, 132 p.

Sharafadina K. I. “Yazyk tsvetov” v russkoy poezii i literaturnom obikhode pervoy poloviny 19 veka (istochniki, semantika, formy) [“The language of flowers” in Russian poetry and literary usage of the first half of the 19th century (sources, semantics, forms)]. Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2004, 431 p.

Veselova A. Yu. Karamzinskiy kod v romane V. V. Sipovskogo “Puteshestvie Erasta Krutolobova” [Karamzin’s code in the V. Sipovsky’s novel “The journey of Erastus Krutolobov...”]. *Slovo.ru: Baltic accent*. 2016, vol. 7, no. 3, pp. 65–73.

Yazyk tsvetov, ili Opisanie emblematicheskikh znacheniy, simbolov i mifologicheskogo proiskhozhdeniya tsvetov i rasteniy. S pribavleniem stikhotvoreniy, napisannykh na tsvety russkimi poetami [The language of flowers, or a description of the emblematic meanings, symbols, and mythological origins of flowers and plants. With the addition of poems written on flowers by Russian poets]. St. Petersburg, 1849, 125 p.

List of sources

Novodvorskiy V. *Puteshestvie Erasta Krutolobova v Moskvu i Peterburg v 30-kh godakh 19 stoletiya* [Erast Krutolobov's journey to Moscow and St. Petersburg in the 1930s.]. Leningrad, Krasnaya Gazeta, 1929, 182 p.

*Novyy chuvstvitel'nyy puteshestvennik, ili Moya progulka v A***. Rossiyskoe sochinenie K* G**. [A new sensitive traveler, or My walk to A***. Russian essay by K* G*]. Moscow, Univ. tip. of Lyubiy, Gariy, and Popov, 1802, 80 p.

Vel'tman A. A. *Putevye vpechatleniya i, mezhdru prochim, gorshok gerani* [Travel impressions, and by the way, a pot of geraniums]. *Syn Otechestva*. 1840, vol. 1, pp. 35–84.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Константинова, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Natalia V. Konstantinova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Methods, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 03.04.2025;
одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 24.04.2025
The article was submitted on 03.04.2025;
approved after reviewing on 24.04.2025; accepted for publication on 24.04.2025*